

Литературный МАЯК

№ 3
(242)

Выпуск подготовлен при спонсорской поддержке СХПК Комбината «Япеличный»

Слово редактору

Любезный читатель, здравствуй!

Вот и март на дворе. «Весна света» называл это время Михаил Пришвин. Свет, солнце, ветер, морозец, искристая капель, ожидание счастья - вот что такое весна света... И любовь! И поэзия!

Нынешний же март - это ещё и Великий пост для православных людей, время собирания света, преддверие праздника высшей Любви...

Ну, а мы продолжаем собирать страницы поэзии и прозы в конкурсе «Заветное слово». Уже сейчас можно сказать, что смотр литературных сил области удался - на странице «Маяка» «Вконтакте» опубликованы произведения более 50 авторов. И работы продолжают приходить. Они будут приниматься до 15 мая, а победитель будет объявлен 6 июня.

Надо отметить, что выставленные в «соцсети» работы участников конкурса имеют сотни и даже тысячи просмотров, множество отзывов, что само по себе уже хорошая оценка творчества, ведь, собственно, это и движет автором, публикующим своё произведение - желание быть услышанным.

Ну, и, вспоминая День поэзии (21 марта), давайте вспомним и замечательные строчки о поэзии:

Николай РУБЦОВ СТИХИ

Стихи из дома гонят нас,
Как будто вьюга воеет, воеет
На отопление паровое,
На электричество и газ!

Скажите, знаете ли вы
О вьюгах что-нибудь такое:
Кто может их заставить вить?
Кто может их остановить,
Когда захочется покоя?

Вот так поэзия, она
Звенит - её не остановишь!
А замолчит - напрасно стонешь!
Она незрима и вольна.

Прославит нас или унизит,
Но всё равно возьмёт своё!
И не она от нас зависит,
А мы зависим от неё...

Всем «зависимым от поэзии», всем любящим читать хорошую прозу желаю счастья поэзии и чтения!

**Дмитрий
ЕРМАКОВ.**

«Спешите делать добрые дела!»

27 марта этого года исполнилось 105 лет со дня рождения выдающегося русского поэта и прозаика, уроженца Никольского района Вологодской области, Александра Яковлевича Яшина (1913 - 1968).

Александр Яшин занимает в русской литературе совершенно особое место. «Спешите делать добрые дела» или «покормите птиц зимой» - строчки простые, как «мороз и солнце - день чудесный», простые конечной, евангельской простотой.

Яшин известен и как зачинатель «деревенской прозы» - «Рычаги», «Вологодская свадьба»... Именно Александр Яшин поддерживал словом и делом Василия Белова, Николая Рубцова, многих других, в то время молодых, авторов.

Яшин прошел свой путь через деревенское детство, через войну, через славу... К чему? К тому самому подвигу, обреченность на который он осознавал, к подвигу покаяния и любви...

Покормите птиц зимой.
Пусть со всех концов
К вам слетятся, как домой,
Стайки на крыльцо.

Не богаты их корма.
Горсть зерна нужна,
Горсть одна -
И не страшна
Будет им зима.

Сколько гибнет их - не счесть,
Видеть тяжело.
А ведь в нашем сердце есть
И для птиц тепло.

Разве можно забывать:
Улететь могли,
А остались зимовать
Заодно с людьми.

Приучите птиц в мороз
К своему окну,
Чтоб без песен не пришлось
Нам встречать весну.

Я обречён на подвиг,
И некого винить,
Что свой удел свободно
Не в силах изменить,

Что этот трудный жребий
Приняв как благодать,
Я о дешёвом хлебе
Не вправе помышлять.

Щадить себя не вправе,
И бестолковый спор
О доблестях, о славе
Не завожу с тех пор.

Что ждёт меня, не знаю,
Живу не как хочу
И ношу поднимаю
Себе не по плечу.

У бедного провидца
Так мал в душе просвет,
Что даже погордиться
Собой охоты нет.

А други смотрят просто,
Какое дело им,
Крещусь я троепёрстно
Или крестом иным.

Как рыцарь старомодный,
Я в их глазах смешон.
Да нужен ли мой подвиг?
Ко времени ли он?

Земли не чужа сдуру,
Восторженно визжа,
Ползу на амбразуру,
Клинок в зубах держа.

...Подари, боже,
Еще лоскуток
Шагреневои кожи.

И женщины, женщины
Взгляд влюбленный,
Чуть с сумасшедшинкой
И отрешенный,
Самоотверженный,
Незащищенный.

Еще хоть одну,
С ее миражами,
Большую весну
С журавлями,
С ветрами.

С ее полноводем,
И полногрудьем,
С разнопогодьем
И многотрудьем.

Еще сверх счета
Прошу у бога
Одну охоту,
Одну берлогу.

А там и до осени
Недалёко,
До золотоволосой,
До кареюкой
С поволокой.
С многоголосьем...

А там прихватим зиму
Неукротимо...

ПОСЛЕ СНЕГОПАДА

Снег, словно пыль с полочек,
С хвойных ветвей сбиваю.
Сколько я сосенок, елочек
За день освобождаю!

Как это славно, здорово:

Дмитрий ЕРМАКОВ.

Лес поднимает
вершины -
Вскидывает головы
И разгибает спины.

1966
Снежная пыль,
как дыхание,
И заполняется воздух
Радужным сиянием,
Будто бы летом, в грозы.

В радуге, что в фейерверке,
И снегири,
И белки:
Сыплется, посверкивая,
В снег шелуха поделки.

Радужен даже валежник -
Вихрей нагромождения,
Речек крутобережных
Глинистые обнажения.

В радуге все как новое:
Скрыты следы порубок,
Ярки стволы сосновые,
Будто кирпичные трубы...

Лыжи скрипят кленовые.
Стынут щеки и губы.

С палкой бреду бамбуковой -
С пикой былинный витязь,
По деревьям постукиваю:
- Выпрямитесь!
- Разогнитесь!

Александр Яшин

Я воду люблю, я землю люблю,
Как после выздоровления.

Бреду бережком,
Не с ружьём, с бадожком,
Душа и глаза - настезь.
Бродить по сырой земле
босиком -
Это большое счастье!
1962

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА

Мне с отчимом
невесело жилось,
Все ж он меня растил -
И оттого
Порой жалею, что не довелось
Хоть чем-нибудь порадовать его.

Когда он слег и тихо умирал,
- Рассказывает мать,
- День ото дня
Все чаще вспоминал меня
и ждал:
«Вот Шурку бы...
Уж он бы спас меня!»

1962
Бездомной бабушке
в селе родном

Я говорил: мол, так ее люблю,
Что подрасту
и сам срублю ей дом,
Дров наготовлю,
Хлеба воз куплю.

Мечтал о многом,
Много обещал...
В блокаде ленинградской
старика
От смерти б спас,
Да на день опоздал,
И дня того не возвратят века.

Теперь прошел я тысячи дорог -
Купить воз хлеба,
дом срубить бы мог.
Нет отчима,
И бабка умерла...
Спешите делать добрые дела!
1958

БОСИКОМ ПО ЗЕМЛЕ

Солнце спокойное, будто луна,
С утра без всякой короны,
Смотрит сквозь облако,
как из окна,
На рощу, на луг зелёный.

От берега к берегу ходит река,
Я слышу её журчание.
В ней - те же луна, луга, облака,
То же мироздание.

Птицы взвиваются из-под ног,
Зайцы срываются со всех ног.
А я никого не трогаю:
Лугами, лесами,
как добрый бог,
Иду своею дорогою.

И ягоды ем, и траву щиплю,
К ручью становлюсь на колени я.

Конкурс «Заветное слово»

Людмила СТАРИКОВА (с. Липин Бор, Вашкинский район)

Земляника

рассказ

Любка, девчушка лет семи, открыла отводок и вышла на задворки дома. За изгородью стояла будка-домик, сколоченный отцом для детских игр. В ее маленькое оконце и щели в стенах весело заглядывало солнце, освещая Любкино богатство: красивые черепочки от битой посуды, разноцветные стекляшки от бутылок, веревочную скакалку и цветные лоскутки ткани. На маленькой скамеечке были уложены спать тряпичные куклы с нарисованными химическим карандашом круглыми глазами, растянутыми в улыбке ртами и растрепанными волосами из кудели.

Девчушка зашла в будку и вытащила из-под скамеечки маленькую голубую чашку с трещиной сбоку. Крепко зажав ее в руке, Любка покинула свое убежище и быстро устремилась по тропинке, по одну сторону которой были участки с картошкой, цветущей белыми и фиолетовыми цветами, а по другую - волновалось под ветром колхозное льняное поле.

Любка торопилась. Вот и последний дом деревни остался позади. Она пробежала мимо бани, которые темнели у дороги. Низкие, словно вкопанные в землю, они пугали ее. Среди них была баня и родителей, куда по выходным - бан-

ным дням - мама водила ее с сестренками мыться. В бане не было трубы, и топились она «по-черному», поэтому в ней сильно пахло дымом и щипало глаза.

Поодаль находилась колхозная кузница, где подковывал лошадей Любкин дед Паня. Она раньше бывала там не раз вместе с ним и видела, как в темноте кузни, раздуваемые мехами, ярко вспыхивали на жаровне угли. Дед Паня большими кузнечными щипцами брал из огня раскаленную подкову и бил по ней молотом на наковальне.

Видела Любка, как приводили к кузнице лошадей, загоняли их в специальный станок у ворот и, поднимая то одну, то другую ногу животного, приколачивали к копытам маленькими острыми гвоздиками подковы. Ей было жалко лошадей, и она плакала, хотя дедушка и говорил, что им не больно.

Девчушка ходко пробежала мимо кузни, оглянулась назад, и ей вдруг стало немножко страшно: ведь так далеко от

Фотояндекс

дома она одна никогда не уходила, не спросившись у родителей. Но вот, наконец, и те самые высокие столбы вдоль дороги с таинственно гудящими проводами, несущими в дома свет. Между столбами, среди выжженной на солнце травы, то тут, то там, под рез-

ными листьями краснела земляника. Девчушка обрадовалась и, присев на корточки, стала осторожно собирать ягоды в чашку. Но их было немного. Любка, вспомнив о сказочных гномиках, про которых ей читала старшая сестра в книжке, как заклинание, шептала:

«Гномики, гномики, помогите мне найти ягодки». Она верила в чудо. Хотелось попробовать хотя бы одну земляничку, но Любка сдерживала себя. И хотя ягод набралось не так уж много, она, довольная, бережно прижимая к груди ароматно пахнущее богатство, заторопилась домой. Панамка сползла на глаза, подол длинного платья цеплялся за репейник, но она не обращала на это никакого внимания.

Вскрабкавшись по крутым ступенькам лестницы родного дома, Любка радостно вбежала в маленький закуток на кухне. Здесь на жесткой деревянной кровати лежала ее старенькая больная бабушка.

- Бабушка! Посмотри, что я тебе принесла!

Бабушка Маша погладила внучку по голове большой натруженной рукой, и по ее морщинистой щеке скатилась крупная слеза.

- Добрая ты у нас растешь, внученька, - прошептала она и, высыпав ягоды в блюдечко, подала их Любке...

Девчушка клала в рот необычайно сладкие, ароматные ягоды и думала о том, что теперь-то ее бабушка обязательно поправится.

НА НИКОЛУ

На Николу мёрзнут рамы,
Стёкла тронуло ледком.
Посумерничаем, мама,
Побеседуем ладком.
Сядем рядышком у печки
Перед образом святым
И, словечко за словечком,
Обо всём поговорим...
Мы прокрутим без рекламы
Жизни старое кино
И невольно вспомним с мамой
Всех, кто дорог нам давно,
Чьи безмолвные портреты
На стене избы висят:
Это было прошлым летом,
Это - много лет назад...
А о тех, кто рядом с нами,
Помнят свет родных окон,
Всякий раз ты спросишь, мама,
Передашь земной поклон.
У тебя душа, что птица,
Машет нам своим крылом,
К сердцу каждого стремится,
Зазывая в отчий дом.
Вот и снова наша встреча,
Говорим который час.
Уж заглядывает вечер
Со двора в окно на нас.
Бьют часы. Темнеет рано.
Снег кружится за стеклом.
...И ещё живая мама,
И живёт наш светлый дом.

В ЛЕСУ ДЕТСТВА

Ближний лес изменился весь,
Сосны иглами до небес,
Раньше были тропинки здесь,
А теперь не видны.
Вдоль опушки - заросший вал,
Где малину я собирал,
С пацанами в войну играл -
Где теперь пацаны?
Одного увела река,
У второго - судьба горька:
Деревенского паренька
В ночь увёз «воронок»...
Третий вольную жизнь любил,
Всё за синей птицей ходил,
Не хватило мальчишке сил
Для счастливых дорог.
Самый младший пацан -
в Афган,

К перевалу шёл караван,
Но густой кандагарский туман
Всё смешал за горой...
На гранитной плите - портрет,
Где ему восемнадцать лет
И невидимый в поле след
На траве луговой...
Помолчу. Впору жечь свечу.
В детство светлое захочу,
По привычке друзей покричу,
А в ответ - тишина.
Старый лес от видений чист,
Только ветра печальный свист,
Только медленно падает лист,
Только сосен стена.

КОНЧИЛОСЬ ЛЕТО

Вот и кончилось светлое лето,
За рекой догорает закат,
И встаёт
над уснувшей планетой
Всех созвездий
бесчисленных ряд.

Посмотрю в глубину
мироздания
И, волнение в душе затаив,
Отыщу, где поманит мерцаньем
Среди звёзд одиноких - твоя?
Облетает листва у рябины,
Как мои быстротечные дни.
Скоро станет заречье
пустынным
И зажгутся ночные огни.
А наутро уеду я в город,
По росе оставляя следы,
И затихнет колодезный ворот
Без моей родниковой воды,
И умолкнут весёлые птицы
Под печальные звуки дождя...
Может быть,
всё потом повториться,
Только рядом не будет тебя.
Позабудутся наши свиданья,
Но останутся навсегда
И манящее это мерцанье,
И далёкая в небе звезда.

Анатолий МЯЛКИН (п. Майский)

Душа не будет одинока...

Фотояндекс

И мне на счастье
золотой фломастер
Вручило с наступлением весны,
Чтоб я писал им
новые страницы
Про те незабываемые дни,
Где спутницы поэзии - зарницы -
Зажгли в душе погасшие огни,
Где в светлое,
безоблачное небо
Летели стаи серых голубей...
Я так давно
в ладах с собою не был,
Многострадальной
верою моей...
И утром снова с милого востока
Оно, большое,
надо мной взойдёт,
И вновь душа не будет одинока,
И вновь она запросится в полёт.

НОСТАЛЬГИЯ

Я хотел бы в деревню
вернуться
И чтоб мама была жива.
Ранним утром
счастливым проснуться
В окружении её тепла.
Слышать, как затопилась печка,
Затеваются пироги...
А в избе ещё ни словечка,
Только в кухне её шаги
Да мяуканье нашей кошки
У её торопливых ног.
Донесёт аромат картошки
С печки вынутый чугунок.
Заалеет заря с востока,
Прогоняя ночную тень.
Я уйду от родимых окон
В свой не самый
счастливейший день.
Но меня поведут в дороге
Через долгие вёрсты лет
Образ матери на пороге
И глаза, смотрящие вслед...

СОЛНЦЕ
Оно пришло,
когда земля и небо,
Казалось, гибнут в океане туч.
Соломинкой спасительной
мне был
С утра в окошко
заглянувший луч.
Его тепло мне обогрело душу,
Вернуло силу и былую мощь.
Я так устал
седьмые сутки слушать,
Как за окном хозяйничает дождь.
Размытые дороги.
Морось. Слякоть.
Акации поникшие кусты.
Родных уход...
Душа устала плакать
И принимать печальные кресты.
Оно явилось,
как волшебный мастер,
Неся любовь и радость
с вышины,

Василий Михайлович Мишенёв родился в д. Пахомово Никольского района Вологодской области. После средней школы учился в Вологодском пединституте, потом работал учителем сельской школы, служил в армии, трудился в районной газете, пройдя путь от корреспондента до редактора. Василий Мишенёв - автор восемнадцати книг стихов и прозы и многочисленных публикаций в периодических изданиях. Член Союза писателей России с 1994 года. Лауреат международной премии «Филантроп», лауреат и победитель международного конкурса «Золотое перо». О творчестве Василия Мишенёва высоко отзывались Василий Белов, Виктор Астафьев, Александр Романов, Сергей Чухин и другие. Живет в г. Никольске.

НАШИ ГОДЫ

Не оплакивай прежние годы,
Не пугайся грядущего дня!
Наши годы, как вешние воды,
Прибывают - не видишь и дна.

Наши годы, как гордые птицы,
Набирают легко высоту,
Не зови их назад возвратиться,
Не услышат они на лету!

Вслед шепчу им
беззвучно устами,
Повернувшись лицом
на рассвет,
Пусть сбиваются в тесные стаи,
Но не сходятся клином на нет!

Мне совесть и память
По жизни кричат:
- Ты крест или камень
Несешь на плечах?

Всё в гору дорога.
Я молча иду.
- Спросите у Бога.
Он дал, я несу...

ПОСВЕТЛЕЛИ ВЕСЕННИЕ ДАЛИ

Посветлели весенние дали,
Засквозило с небес синевой,
На пригорках
от первых проталин
Поднимается пар над землей.

Как нарядны привычные вербы,
Распушились под солнцем они...
Прилетел долгожданный
и верный
Важный грач из чужой стороны.

В эти дни не сидится мне дома,
Тянет сердце к простору полей,
Будет день,
и услышим знакомый
Мы приветственный
клич журавлей.

У людей вдруг засветятся лица,
Станет мир
просветленнее весь,
Словно сильные, гордые птицы
Принесут нам всем
добрую весть.

И у жизни изменится русло,
Потечет она шире, вольней,
Будто вечно душе
нашей русской
Не хватает до слез журавлей...

НАД НОЧНОЮ ВОЛОГДОЙ

Над ночью Вологдой
Кружит легкий снег.
Я бреду по городу,
Дальний человек.

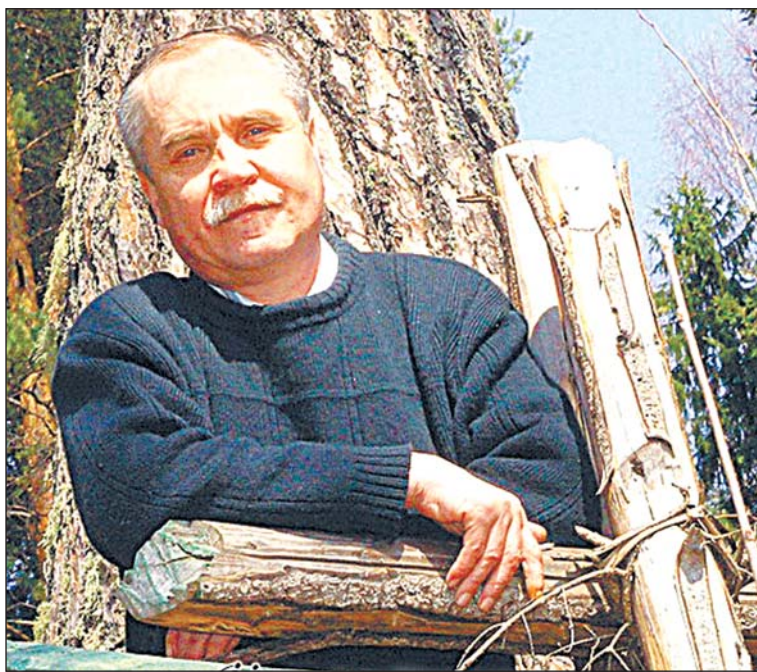
То, что было прожито,
Вспомнить всё нельзя.
В тихой милой Вологде
Спят мои друзья.

Кто-то в центре города,
Кто-то за мостом...
Кто-то в доме ласковом,
Кто-то под крестом!

Я иду к кому из них?
Где найду ночлег?
Все следы на улице
Засыпает снег!..

«Вдруг жизнь увиделась до дна...»

СТИХИ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Просохшей тропинкой
весеннего сада
Опять возвращаюсь домой.
Ну, что ж ты, родная!
Пугаться не надо!
Беды не случилось со мной!

Окрепли березки
и стали чуть выше.
а ними - изба со звездой.
И ласточки низко
летают над крышей,
Свое охраняя гнездо.

Я к отчому дому
шагал бездорожьем,
Увидел - и сердце зашлось...
Ах, ласточки милые!
В мире тревожном
Зимой так трудно жилось!..

НА ТЁПЛЫХ ВЗГОРКАХ

На тёплых взгорках
первые цветы -
Друзей ушедших
грустные приветы...
Я жду опять от мира

доброты,
И сам готов добром
ему ответить!

Земля моя!
Мне легче, мне светлей,
Когда ты так спокойно
рядом дышишь,
И высь пронзают
клинья журавлей,
И дым в родном селе
над каждой крышей!

Стою, и к сердцу тянется ладонь.
Я землю слушаю, смежая веки...

О, память!
Только в этот час не тронь
Того, что в сердце

улеглось навеки!
Того, что отболело навсегда,
К чему сегодня
не ищущ возврата,
Живая или мёртвая вода
Не воскресят в душе
былой утраты.

Не стану рвать я
первые цветы,

Может, кто мне с родины
Привезет цветы?.

В ИЗБЕ У МАМЫ

На снежных далях -
сугроб к сугробу, -
Следов вчерашних
искать не пробуй!

Студеный ветер
летит по весям,
А в сердце звоны
забытых песен!

Василий МИШЕНЁВ

Взгляну в окошко -
вокруг белеет,
Я нынче грустью не заболею!

В избе у мамы тепло от печки,
В углу - икона,
псалтырь и свечки.

А спросит мама,
о чем вздыхаю,
Отвечу тихо:
я вспоминаю!

Какие видел
здесь раньше лица...
И сладко сердцу!
И вновь не спится!

Волнуют душу
былые встречи.
рад, что долгие зимы вечер.

И рада мама -
глаза спокойны,
Как у святого с ее иконы!..

А вдруг сюда нагрянут
нынче дети...
Они прибавят в мире
доброты,
Которой так не достаёт
на свете!

У ИЗБЫ НА РОДИНЕ

У избы на родине -
Черёмуха, смородина,
У избы на родине -
Белые цветы.
Ждал я встречи радостной,
Но судьба жестокая
Развела мосты.

В тихом спящем городе
Вспоминаю родину,
Льется мягко в комнату
Свет ночной звезды...
Может, кто на родине
Соберет смородину?

Я шагаю дорогой испытанной,
А дорога ведет на закат.
Утром кони мой путь
ископытили,
На луга увводя жеребят.

Люди в поле
работы закончили,
И в пронзительно чуткой тиши
В травах робко
звенят колокольчики
Для моей одинокой души.

А душа наполняется песнею,
Забытая тревоги свои,
Рядом птицы мои
поднебесные
И гривастые кони мои.

Облака и туман над Россиею,
Но в краю, где начало дорог,
Понимаю с особенной силою,

Где мой путь,
Где мой свет,
Где мой Бог!

МОЛИТВА Мануилу Свистунову

Господи! Дай мне такую власть,
Чтоб в стаю волков
не попасть,
Чтоб у ближнего не украсть,
Чтоб в пути своём
не пропасть,
И не упасть в пропасть!

Господи!
Дай мне душевных сил,
Чтоб обиды людей сносил,
Чтоб даже врагам не мстил,
Чтоб даже князьям не льстил,
А жил на земле, как жил.

СОН - ТРАВА

На зеленую траву,
С высоты сорвавшись вдруг,
Будто камень, упаду,
Обрасту травой вокруг.

Не простой, не луговой,
А на долгий-долгий век
Обрасту я сон-травой,
Как и всякий человек.

Звездный ветер запылит
Мимо судеб и времен,
Но того, кто крепко спит,
Не разбудит больше он.

Только люди захотят
Незабудок по весне.
И придут. И погустят,
О себе. И обо мне.

Ветер листья унес
к темноте борозд,
Ветви рябин к земле
опустили гроздь,
Я живу, как оставленный
раненый дрозд,
Стережущий чужие гнезда.

Я устал и не знаю теперь,
что со мной,
Только чувствую -
сердце исходит дрожью,
Светом глаз голубых,
как в ночи луной,
Освети мое бездорожье.

Дом покину,
уйду посмотреть,
как река
в глубине отражает
небесную просинь.
Восточку с птицей
пришли мне издалека,
Помоги пережить мне осень!

Вот и снег полетел
на сухую траву,
Побелела земля,
побелели крыши.
Ночью и днем обращаюсь
к тебе и зову,
Неужели меня не слышишь?..

Всё чаще думаю о том, -
Вот я живу, а что потом?

Во мхи, в траву падут слова,
Истлеет мох, сгорит трава...

А та, что ближе и родней,
Забудет быстро обо мне...

Друзья? Но много ли друзей!
Все жить хотят среди князей...

И только клен любимый мой
Вздыхнет пред милою избой,

А в той избе источит жук
Плоды моих сердечных мук...

О, Боже мой! Прости меня!
Вдруг жизнь увиделась до дна...

Конкурс «Заветное слово»

«Деревенские зори ясны...»

Николай РЕПЕНКОВ
(п. Заря, Вологодский район)

Я не поэт,
не рукоплещет публика,
но есть куплет,
и, может, кто прочтет.
В моих стихах
припрятана изюминка:
кому кишмиш,
кому с кислинкой попадет.

Я родился и вырос в деревне,
В вологодской тиши голубой.
Край суровый и добрый,
и древний,
С детских лет я гордился тобой.

Здесь у пашен
простор необъятен,
Здесь речные полны берега,
Запах трав на лугах ароматен,
А зима в серебристых снегах.

Здесь легко и дышать
и трудиться,
Деревенские зори ясны.
Родничковой водицы
напиться...
Нет милее родной стороны!

Теперь я ближе к городу живу,
Уж землю не пашу и хлеб не сею,
Когда ржаное поле прохожу,
То смятый колосок
уже не так жалею.

Но помню испеченный каравай,
Когда его из печки доставали,
Как он приятно руки обжигал,
А чтоб отмяк,
скатеркой накрывали.
И помню, как поили лошадей,
А кто смелее -
пруд переезжали,
И мчались по деревне,
кто быстрее,
Свою телегу каждый запрягали.
А за деревнею широкий склон,
Снопы льняные
в бабках дозревают...
Хотел бы я теперь увидеть сон,
Где жизнь
такой счастливою бывает.

Густой туман скрывает путь,
За десять метров, словно в вату.
С дороги так легко свернуть -
Поосторожнее, ребята.
Идем, включив на ближний свет,
Едва дорогу различая,
Кто за тобой, не разглядеть,
Что впереди, еще не знаем.
С собой в удачу не играй,
В тугой комок прессуя нервы,
А тот, кто первым рвется в рай,
Он может стать у ада первым.
Но вот слабеет «молоко»,
Туман растаял понемногу,
А солнца луч из облаков
Согрел сердца,
Ну, слава Богу!

Софья ЦВЕТКОВА
(д. Березник, Вологодский район)

Детство милое, родное,
Ты лелеешься во сне:
Вспоминается бывшее
И теплеет на душе.

На коньках спешишь на речку,
Лёд прозрачный, как стекло...
Согревала всех нас печка
И парное молоко.

Мы с баржи ныряем в воду,
Загораем день-деньской,
Ни печали, ни заботы,
И играем в волейбол.

Утром в речке рыбу ловим
И купаемся весь день,
В лодке едем к теплоходу
Покачаться на волне.

Вечер дивный наступает,
В клубе музыка слышна,
Кавалеры приглашают:
Танцы будут до утра.

Речка Кубена родная,
Ты мне снишься по ночам.
Моё детство золотое
Навсегда осталось там.

Мартовское утро
улыбнулось мне,
Пролетела молодость,
словно бы во сне.

Не с моим характером
горе горевать,
Потому что женщина,
потому что мать.

Крестик я надела внучке
и молю:
- Сохрани же, Боже,
внученьку мою.
Сколько было пролито слёз
по деревням.
Поклонитесь, воины,
русским матерям.

Крутится планета,
дней не сосчитать...
Схоронили деда, а потом и мать.
Пусть беда обходит
наших сыновей,
Берегите, дети, ваших матерей.

Город не люблю я, шум и суета,
Нет на свете краше
нашего села.
Радуюсь прилёту
белых лебедей
И сажу картошку
на земле своей.

Осенью люблю я
собирать грибы,
Мариную овощи, огурцы солю,
Чтоб зимой холодной
было нам теплей
И не стыдно было
угостить гостей.

Постоянные читатели «Литературного маяка» уже знакомы с творчеством архангельского писателя Дениса Макурина. Живёт он в селе Холмогоры, пишет замечательные детские (да и взрослые) рассказы, которые публикуются во многих журналах, а недавно в одном из вологодских издательств у него вышла книжка. С чем и поздравляем талантливого автора!

Денис МАКУРИН

Поморские пряники

Есть у меня история про козули, это пряники такие, северные, очень вкусные. Я с ними в прошлом году познакомился, мне к тому времени уже восемь лет стукнуло.

Мы на зимних каникулах отдыхали, когда к нам дед Тимофей в гости пожаловал. Он нам какой-то очень дальний родственник, хотя живёт не так уж и далеко, за речкой в селе Ломоносово. Оттого и часто нас навещает.

В тот день мы с мои старшим братом Ванькой с хоккея возвращались. Глядим, а возле нашего дома лошаденка с санями стоит. Ванька шапку поправил и сказал:

- О! Гляди-ка, дед Тимофей в гостях!
- Почём знаешь?

- Так это же его лошадь, Лизка зовут.

Затем Ванька пучок сена из саней вытянул, подошёл к морде и дал лошади. Лизка фыркнула, мотнула головой, будто «спасибо» сказала, и с удовольствием сжевала гостинец. После этого мы домой забежали, а там и правда: дед Тимофей чай с родителями пьёт. Мы очень обрадовались, клюшки и коньки в прихожей побросали, шапки и куртки в шкаф уткнули, валенки с варежками на батарею, и за стол обедать.

Сидим, ложками работаем, а сами то на деда поглядываем, то на маму с папой. Тут дед Тимофей кружку поставил, глаза сощурил и говорит как бы нам, но на самом деле родителям:

- А поедем-ка, ребята, в Ломоносово?! Погостите на Рождество. К тому же баба Шура надумала холмогорские козули печь, полакомитесь, - это он нас так у родителей отправивал.

Я дыхание затаил и подумал: «Ух ты! Какой шанс: на лошади прокачусь, да ещё и пряниками угостят!» - прислушался - отпустят ли?

Папа тоже к нам повернулся и сказал не то деду, не то маме:

- Пускай едут, развеются!
А мама сначала ответила:
- Пускай. Только оденьтесь потеплее, мороз крепчает.

А потом вдруг разволновалась:

- Обратно-то как?

Мы посмотрели на деда, а он, оказывается, уже всё предусмотрел:

- Да, восьмого числа племянника на автостанцию, заодно и ребят довезу.

После этих слов мы оделись и выбежали на улицу.

Через полчаса рыжая лошадка Лизка мчала нас в добрую и славную деревеньку. И хоть я ещё ни разу там не был, но уже заранее её любил.

Под копытами и санями поскрипывал снежок, а за нами увивалось пушистое облачко.

Мне было так интересно, что я глядел во все глаза. А когда мы на речку выехали, так и вовсе ахнул! Там такой снег! Я раньше думал, что он только белый бывает. А тут оказывается: и голубой, и серебристый, и ярко-солнечный - даже глаза жжёт!

Через пять минут мы к воротам подъехали, и дед Тимофей прокричал:

- Тпр-р-р!

Хотя Лизка и сама поняла, что пора останавливаться. Она ещё издали дом узнала и от радости головой закивала.

Мы с Ванькой ворота за санями прикрыли и стали всё разглядывать: и новый двор, и баню, и новый дом, построенный сто лет назад, и даже смешную собаку по кличке Лопух. А дед Тимофей накинул на Лизку одеяло, сгрёб ей охапку сена и начал рассказывать про то, как он в сей год забор подлатал, как в бане печь переложил, а про собаку ничего не говорил, она скакала и лаяла - про неё и так всё понятно было.

Поиграв немного с Лопухом, мы в дом забежали. А там уж бабушка Шура за нас принялась. Сначала обнимала, чуть не задушила! Потом расцеловала и за стол усаживала, с трудом отбились. Мы же козули стряпать приехали, а не чаи распивать! Но бабушка Шура достала тесто только вечером. Разбросала на столе муку, и мы принялись лепить пряники.

Я отлеплял небольшой кусочек и катал шарик, как пластилин на уроках. Потом вытягивал различные ножки и лапки. Затем брал острую щепку и делал надрезы. И у меня довольно быстро получались разные зверюшки. Правда, они все какие-то ляписто-культяпистые выходили. И Ванька то и дело спрашивал:

- А это кто?
- Олень!
- Да-а-а! А я думал тюлень.

Я очень старался, но сколько бы в тот вечер оленей не лепил,

у меня всё равно то дерево, то тюлени получались. Только это не важно! Потому что всем весело было. Мы же не каждый день вот так за одним столом стряпали разных курочек и козочек. А ещё я думал: «До чего же чудно! Лепим холмогорские козули в Ломоносово! Как будто и в Ломоносово мы дома».

Мы ещё последние фигурки доделывали, а из печки так вкусно карамелью запахло, что у меня аппетит разгорелся. Но бабушка совсем не спешила, она доставала наши козули и сперва в сладкий кипяток окунала, а потом на подоконник остужать. И только там они становились похожими на настоящие пряники. Я смотрел на них и не мог налюбоваться нашими козулями-пряниками. А через час мы пили чай и было забавно похрустывать своими поделками.

Восьмого числа рыжая лошадка Лизка снова мчала нас по реке. В руках я держал мешочек с козулями, а ещё с нами племянник Димка был. И Лизка тогда еле-еле с места сошла, а я Ваньке шепнул:

- Ничего себе племянничек.
А Ванька хмыкнул:
- Здоровый мерин.

А когда мы на реке очутились, то навстречу нам ветер подул. Сильный, снежный ветер. И по лицу как будто иголочки били. Наверное, он тоже в Ломоносово спешил. Потому что холмогорские пряники - это просто клад! Но зря торопился, козули-то я в руках держал.

На автостанции мы проводили мерина-Димку, и лошадка стало полегче. А когда мы подъехали к дому, я подошёл к Лизке и стал угощать её нашими козулями.

Одну руку я протягивал к мягким губам лошадки, а другой убирал с её лица замёрзшие слёзы. А Лизка брала с ладони пряник, радостно хрумкала и кивала головой, будто и правда «спасибо» говорила.